

НАТАЛЬЯ КАСАТКИНА:

Число мнений равняется числу членов жюри

Журнал "Искусство" - 1998 - 19-25 марта - с. 12.
Впечатлениями о том, как проходил фестиваль, и о его итогах мы попросили поделиться члена жюри, представляющего самый несчастливый "раздел" нынешней "Маски", — художественного руководителя Театра классического балета Наталью Касаткину.

— Как вам работалось в жюри?

— Мне было очень интересно. Так как все профессионалы в разных областях, то воспринимают другие жанры и виды искусства очень свежо, очень непосредственно, а иногда даже объективнее и точнее, чем узкие профессионалы, которые все-таки волей-неволей бывают ангажированными. Даже если нет особых симпатий, то довлеет груз профессии.

Удивило то, что не было случая, чтобы два человека воспринимали что-то совершенно одинаково. Впрочем, наверное, в этом и весь смысл. Мы старались быть предельно честными, хотя в тех условиях, в которые поставлено было жюри, неизбежны компромиссы. Олег Басилашвили, на мой взгляд, идеальный председатель жюри: он принципиален, порядочен, доброжелателен и добросовестен. Думаю, благодаря его позиции и поведению мы могли серьезно работать и сохранить лицо, хотя часто оказывались объективно в двусмысленной ситуации.

— Чем в первую очередь вы остались недовольны?

— На мой взгляд, самая неблагоприятная ситуация на фестивале сложилась с балетом. Нельзя представлять жюри всего два произведения. Даже если по мнению экспертной комиссии, которой мы не можем не доверять, другие спектакли были слабее показанных. Мы были практически лишены выбора. Комиссия за нас уже все решила. И в целом это были не те спектакли, которые могли удовлетворить жюри. По разным причинам. В спектакле Ратманского была очень убедительна работа с артистами ГАБТа. Вызывает удивление, почему никто из них за этот спектакль не был выдвинут на "Маску".

Панфилов вызывает уважение тем, что идет против течения, не боится, постоянно работает, ставит спектакли. Естественно, они все не могут быть равнозначными. Что касается представленной работы, то хотя здесь есть сильные места, все же остается недоумение: что бы ты ни делал, все-таки цель должна быть. Любое искусство субъективно, автор всегда выражает свое. Но в данном случае, на мой взгляд, Панфилов перешел границу субъективного. Этот спектакль направлен внутрь самого автора, существен для него, а не для зрителя. Опять-таки не могу понять, как получилось, что были выдвинуты всего два танцовщика? Я считаю, что жюри должно рассматривать не менее пяти произведений и не менее шести артистов. Артисты болеют, уезжают на гастроли, у них часто бывают травмы. Вот Мариинка не изыскала возможности показать Ружиматова, а ГАБТ — Уварова в заявленных ролях, и вышло, что в России нет танцовщиков!

Три балерины — это тоже очень мало. О главной исполнительнице "Журавлиной песни" Татьяне Красновой невозможно ничего сказать, ибо там нет ни роли, ни хореографии. Балет 40-х годов. Если бы привезли хороший классический спектакль, она могла бы претендовать на "Маску". Захарова танцевала Жизель. Образ у нее пока не получился. Ей не хватает хрупкости и странности, необходимой для этой роли, особенно в сцене сумасшествия. Она просто четко и точно "доложила" хореографию. Данные у нее, конечно, прекрасные. Вообще девочка мне очень понравилась... но премия-то за лучшую роль. Вот если бы была номинация "Восходящая звезда", я отдала бы свой голос Захаровой.

Мусаварова была представлена в балете Брянцева "Суламифь", в роли, которую он специально сделал для нее и которая абсолютно совпадает с индивидуальностью актрисы. Она необыкновенно изящна и трогательна. Есть нечто, что не отрететируешь, как взгляд новорожденного ребенка.

— Что, по-вашему, в условиях "Золотой маски" требует принципиального переосмысления и изменения?

— Как премия "Маска" сегодня двусмысленна. Это премия за лучшую работу артиста или лучшему артисту? Что сегодня считать лучшим: традицию или эксперимент, открывающий новые пути? Традиция всегда будет в более благополучном положении. Мы много говорили о необходимости особых премий. Иначе все новое, что происходит в театральном искусстве, будет оказываться на обочине. Мамонов, Клим... это аномалии. Но эти аномалии как раз и развивают театр.

Многие режиссеры вставляют в готовом виде находки, добытые кровью сердца и огромной напряженной работой, в свои спектакли, считая: вот у него это не выстрелило, а у меня выстрелит. И выстреливает.

Считаю просто необходимым давать отдельную премию за смелость, поиск, внедрение новых жанров.

— Результаты коллективного решения уже известны, а вот лично вам, что показалось наиболее интересным и значимым?

— "Пьеса без названия" — для меня лучший из всех спектаклей. Когда я вошла в зал, увидела рассыпанный песок и воду в бассейне, меня затрясло от возмущения. Потому что ездили, видели — не в первый раз это все! Через полчаса артисты затаили меня в этот свой песок и омут и не отпускали до самого конца. Великолепный ансамбль — в нем сила спектакля. Хотя самое большое впечатление на фестивале на меня произвел исполнитель роли Платонова.

Вообще много блистательных артистов: мне очень понравился и Мамонов, по-настоящему тронула не выдвинутая на номинацию исполнительница роли Катерины в "Грозе". Достоин уважения очень серьезный спектакль Клима "Луна для пасынков судьбы". В нем есть глубокие вещи, которые не сразу доходят, но постепенно ты втягиваешься, и становится интересно. Чувствуешь за этим силу.

Из оперных постановок по режиссуре очень интересна "Кармен". Прекрасно с музыкальной точки зрения сделана "Леди Макбет", безусловно, "Парсифаль", очень интересна "Свадьба Фигаро", а вот "Пиковая дама" и беспомощна, и очень безвкусна.

Лично для меня среди кукольных спектаклей, бесспорно, лучшим является "Болеро". Этот спектакль сделан как притча и совершенно соответствует притче по форме. Музыка Равеля появляется там, как бомба в "Репетиции оркестра" у Феллини. Этот спектакль не кажется мне разрушительным, наоборот, посмотрев его, хочется жить и действовать.

— Вы назвали столько интересных работ, и в том, что мы их увидели, очевидно, и был главный смысл фестиваля, а не в самой награде. Думаю, что за его пределами осталось немало интересных работ. Значит, российский театр не в кризисе — он развивается. Вы согласны?

— Да. Но осталось чувство дискомфорта из-за балета. В России много хороших хореографов и артистов. Я не верю, что нет никого у Боярчикова, Мягкова, Абрамова... Будем так относиться — и действительно потеряем балет.

Беседу вела
Юлия БОЛЬШАКОВА